

Г.А. Шенгели

**Как писать статьи, стихи и
рассказы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82
ББК 83
Г11

Г.А. Шенгели
Г11 Как писать статьи, стихи и рассказы / Г.А. Шенгели – М.: Книга по Требованию, 2024. – 82 с.

ISBN 978-5-458-35978-8

Книга была написана, судя по всему, для рабкоров. Может быть полезна для понимания атмосферы времени. Книги адресовались явно необразованным людям, и приправлялись некоторой дозой "партийности". Ставилась задача воспитания новых кадров, которые вытеснят прежнюю интеллигенцию. Но и учить людей тоже надо. Может быть полезна как пример грамотной популяризации. И по назначению, потому что практические советы весьма конкретные, и многие из них несомненно потеряют осмысленность.

ISBN 978-5-458-35978-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичём», мы так ясно, так хорошо представляем себе этих людей и всю историю, с ними связанную, что они проходят перед нами, как живые. И мы начинаем сознавать, что такие истории правдоподобны, что такие люди бывают. Другими словами, перед нами проходит та же действительная жизнь, только сгущенная, собранная, в которой писатель подметил такие черты, каких мы сами не замечали. Фотографы проделывают иногда такую штуку: снимают несколько человек, а потом из их портретов делают один, общий, складывая их друг на дружку; те черты, которые являются общими для всех портретов, выйдут езко; те, которые есть только в некоторых портретах, тоже, но не так отчетливо, а те черты, которые имеются у одного или у двух портретов, не выйдут вовсе. Такой портрет будет похож на каждого из снимавшихся, и в тоже время покажет никогда не существовавшее в действительности лицо. Точно также и художественное произведение дает «общий портрет» жизни, и для нас важно видеть жизнь в ее общих, повторяющихся, а не случайных чертах. Другие же произведения художественной литературы, вроде названной повести Жюль Верна, удовлетворяют потребность в занимательном чтении: нам интересно, вместе с теми, о ком пишет писатель, любить в сказочных странах; пережить необычайные приключения. Наконец, те произведения, в которых писатель рассказывает о своих личных чувствах и переживаниях, ценны для нас потому, что мы узнаем в писательских переживаниях наши собственные или похожие на наши.

Но, кроме того, художественные произведения пишутся так, что доставляют художественное наслаждение. Возьмем, например, стихотворение Пушкина «Виноград»:

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной:
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревших под горой.
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

О чем здесь говорится? Об очень незначительном: розы уже отцвели, а мне их не жалко, потому что уже виноград поспевает. Чистый пустяк. Но этот пустяк рассказан так красиво, так звучно, что нельзя не залюбоваться. Таким образом, художественные произведения сделаны так, имеют такую форму, что доставляют читателю художественное наслаждение, приносят радость,—и в этом другое их важное значение.

Какне бывают писатели

Если мы возьмем произведения Ленина, мы увидим, что в них есть произведения чисто научные, затем произведения агитационные, затем журнальные: разные статьи по разным текущим вопросам, но нет ни рассказов, ни повестей, ни стихов. В произведениях Пушкина мы найдем, главным образом, стихи, затем немного рассказов, одну научную работу и немало журнальных статей. Древний писатель Гораций писал одни стихи, а товарищ М. Кольцов, сотрудник «Правды», пишет преимущественно журнальные статьи. Таким образом, у писателя есть одна какая-нибудь писательская специальность, а если и сколько, то одна основная, главнейшая. Ленин был политическим деятелем, и все его сочинения, агитационные, журнальные, имеют один предмет: общество, социальный строй, политику. Такого писателя мы называем публицистом. Пушкин писал, главным образом, стихи, а Гораций только стихи. Их мы называем поэтами. А Гончарова или Горького, писавших почти исключительно романы, повести и рассказы, мы будем называть прозаиками или беллетристами. Товарищ же Кольцов будет журналистом.

Наш учебник имеет целью указать рабочему некоторые основные писательские правила, которые необходимо знать начинающему журналисту, поэту и беллетристу.

При этом надо иметь в виду, что эти правила представляют собой лишь азбуку писательского мастерства; усвоив их, начинающий писатель должен еще очень много и упорно работать, пока ему удастся найти уже свои приемы, свои способы строить статью, рассказ или стихотворение. Произведения очень талантливых писателей обыкновенно имеют особенный облик, свойственный только данному писателю, имеют собственный стиль. Роман Достоевского не спутаешь с романом Льва Толстого,—так они отличаются языком, способами обрисовки действующих лиц, течением и показом событий, о которых идет речь. Так же резко отличается стих и язык Пушкина от стиха и языка Некрасова,—и так далее. Но выработать свой собственный стиль удается очень немногим, и то далеко не сразу. Только овладев начальными и общими приемами, можно стремиться к дальнейшей разработке их, к созданию своего стиля. Если же это и не удастся, по свойствам и размерам дарования,—то во всяком случае писательская азбука даст возможность быть грамотным и полезным рядовым работником литературы и журналистики.

Надо учиться

Один человек рождается с очень хорошим зрением, другой с большой силой, третий со способностью быстро считать, четвертый со способностью рисовать, пятого природа наделяет писа-

тельским талантом. Без врожденных способностей, без таланта ничего хорошо делать не будешь. Но всякую способность можно развить и усилить, и можно погубить, если не знаешь, как развивать, как ей дать направление. Мы знаем, что часто более слабый человек может побороть более сильного только потому, что слабый знает приемы борьбы. Также и писатель: очень способный от природы может писать хуже менее способного, но лучше знающего приемы или, как говорят, технику писательского дела. Поэтому каждый, кто чувствует в себе охоту и влечение к писательству, должен учиться. Такая писательская учеба укрепит и усилит природную способность и избавит начинающего от неверных шагов, от бесплодной траты силы в поисках того, что ему известно.

Как учиться

И хотим выучиться слесарному делу, мы идем к опытному, смотрим на его работу, заучиваем названия его в, спрашиваем его, что и как, и понемногу сами ботать, исполняя сначала более легкую, а потом все более трудную работу.

И начинающий писатель должен обратиться к произведениям опытных писателей и на этих произведениях учиться своему мастерству. Но сначала следует знать, на что надо обратить внимание, иначе можно подметить второстепенные части, а главное пропустить.

И вот, помочь начинающему писателю разобраться в мастерстве опытных писателей и должен наш учебник. Сам по себе он научит только основному, но рабкор, твердо усвоивший это основное, легко сам отыщет у Ленина, у Толстого, у Пушкина те уроки мастерства, которые ему нужны.

Надо помнить, однако, что писательское мастерство меняется не только у отдельных писателей, но и в различные годы,— смотря по тому, какие требования предъявляет к писателю читательская масса. Поэтому, начинающий писатель должен знакомиться с произведениями не только современными или близкими, но и со старыми,—должен изучать историю литературы, как по самим произведениям, так и по книгам ученых, занимающихся историей литературы. Только тогда начинающий поймет правила писательской техники не как мертвый, раз навсегда придуманный закон,—а как гибкую «инструкцию», которая видоизменяется, сообразно времени, обстоятельствам и личным вкусам писателя.

Свойства писателя

Всякий писатель отличается наблюдательностью, т.е. умением подметить в человеке, в предмете, в явлении как можно больше черт и свойств, и затем выделить из них главнейшие.

Предположим, что в музее древности выставлена золотая корона какого-нибудь древнего царя. Подойдет к такой короне золотых дел мастер и в первую голову обратит внимание на чеканку короны, на накладные украшения, на качество золота, словом, на то, что относится к его специальности. Подойдет к короле слабосильный горожанин и подумает: как такую тяжесть умудрялись таскать на голове? Подойдет спекулянт и заметит, что из такого количества золота можно было бы начеканить столько-то десятирублевков. Барышня представит себе, что золотой цвет короны очень подходил бы к ее черным волосам. Ученый, изучающий древности, сразу подметит те признаки, по которым можно определить возраст этой короны, страну, где ее сделали. Художник подметит красоту линий. Политический деятель думает, что на эту ненужную роскошь тратились и деньги. Словом, каждый подметит то, что ему всего понятнее. А писатель обратит внимание на все э в его воображении сразу встанет образ древнего гающего народ непосильными податями, переплавляющего все ценную со всей страны золотую монету в слитки, заковыкается золотым чеканщиком и художникам украшения, с натурой носящего на голове золотой венец, из-под которого выбиваются густые черные пряди волос, живущий в то время, когда великий Рим был еще жалкой деревушкой, и когда Египет и Вавилон боролись за обладание Аравией,—словом, соединит в одно целое все то, что пороэнь видел и подмечал каждый посетитель.

Затем, писатель обладает широким запасом знаний в самых различных областях и постоянно этот запас пополняет. Этому способствует, конечно, обширное чтение книг. Но, так как все знать невозможно, то писатель должен отдавать себе ясный отчет в том, что он знает и чего не знает. Это очень важно. В самом деле: я могу превосходно знать быт рязанского крестьянина и вовсе не знать или очень плохо знать жизнь американских богачей. Тогда о рязанском крестьянине я могу написать яркий и правдивый рассказ, а если стану писать об американцах, то наворочу всякого вздору. Один иностранный писатель, никогда не бывавший в России, стал писать о ней, и написал, что «боярин сидел под равнестой клюквой и пил самовар с варениками». Точно также, если я пишу стихотворение о ревности, никогда не испытав этого чувства, то мое стихотворение выйдет неверным, фальшивым.

Затем, и это, пожалуй, самое главное, писатель превосходно знает язык. Если язык служит для выражения мыслей и чувств, то богатство мыслей и тонкость чувств требуют для своего выражения очень богатого и гибкого языка. Австралийские дикари пользуются всего несколькими десятками слов; этих слов достаточно, чтобы передать их крайне скудные мысли. Мы, в нашей повседневной жизни, говоря о всяких обыкновенных вещах, связанных с домом, с семьей, со службой, пищей, городом.

и так далес, пользусь тысячу, полутора тысячами слов. Наш бытовой кругозор несравненно шире, чем у австралийского дикаря. Но вот великий английский писатель Шекспир применяет в своих сочинениях почти двенадцать тысяч слов. Французский писатель Мольер пользуется семью тысячами слов. У нашего Пушкина, по приблизительным подсчетам, должно быть около десяти тысяч слов. Из этих чисел видно, как велико словесное богатство мировых писателей, и, значит, как тонко, ясно и гибко могли они передать каждую свою мысль, каждый ее оттенок, как тонко и отчетливо описать то или иное.

И начинающий писатель должен постоянно расширять свое природное знание языка. Для этого следует опять-таки побольше читать, прислушиваться к говору рабочих, крестьян, интеллигентов, замечая ранее неизвестные слова и новые обороты, наконец, следует изучать словари. Лучший русский словарь—это словарь Даля. Полезно также знакомиться с разными техническими указателями, вроде медицинских, инженерских, военных, морских и других справочников. Полезно, для расширения своих словесных возможностей, проделывать следующее упражнение: описать какое-нибудь явление или предмет, например, закат солнца, собрание, машину и т. п.; затем,—описать его вновь, стараясь передать те же черты и свойства, которые были указаны в первом описании, но пользуясь, по возможности, другими словами, имеющими то же или близкое значение. И так—несколько раз описывать одно и то же.

Однако, одного запаса слов недостаточно. Надо еще знать, что такое слово само по себе, какова его природа; надо уметь различать в нем, помимо основного смысла, еще очень многое.

Смысловые оттенки

У каждого слова имеется определенный смысл, определенное значение. Но вот возьмем ряд слов: лошадь, конь, кобыла, жеребец, мерин, кляча, одер. Все эти слова—«лошадные»: каждое из них означает лошадь. Но «лошадь» это именно лошадь, а не корова и не овца; кобыла это лошадь-самка; жеребец это лошадь-самец; мерин это холощенный жеребец; конь—в некоторых местностях обозначает то же, что мерин, но чаще обозначает хорошую лошадь; кляча, одер—дрянная, бессильная лошадь. Мы видим, что у всех этих слов к общему их значению «лошадь» присоединяются еще дополнительные значения. Многие слова могут быть объединены в такие пачки, и писатель должен ясно представлять себе дополнительные значения каждого слова. Без этого часто выходит либо смысловая путаница, либо неловкость, грубость языка. Мы все знаем, например, слово «конница»; ну, а если бы кто вместо этого слова сказал «лошадница» или «жеребечница»? Вышел бы суший вздор. Почему? Потому, что в древне-русском языке слова «лошадь» не было,

вместо него общим словом был «конь»; в конных же армиях были и жеребцы, и кобылы, и мерины,—нельзя было сказать, что армия сидит непременно на жеребцах; и было выбрано общее слово; затем, когда появилось в русском языке слово «лошадь», слово «конь» получило дополнительное значение хорошей лошади, и этот дополнительный признак оказался очень устойчивым для конной армии, потому что в нее отбирались преимущественно хорошие лошади. И теперь, хотя бы армия сидела на самых дрянных, заморенных лошадях,—язык не позволяет нам, мы это ясно чувствуем, сказать иначе, чем «конница». А слово «лошадница» приобрело совсем другое значение, происходя от «лошадник», что значит либо страстный любитель лошадей, либо конский барышник. Признак «хорошести», приклеенный к слову «конь» и «конница» очень сильно чувствуется и в таком словосочетании: «конская ярмарка»: никогда не говорится «лошадная ярмарка», так как предполагается, что на ярмарке торгуют только хорошими лошадьми.

На этом примере ясно видно, что часто точное значение слова осложняется многими оттенками. И писателю необходимо уметь улавливать в слове эти оттенки, чтобы сделать свою речь точной, отчетливой, чтобы уметь выразить мысль с полной ясностью.

Наряду с этим, надо иметь в виду, что иногда значение одного и того же слова меняется в зависимости от связанных с ним слов. Например, «лошадь пала», «крепость пала»; «рубль пал»; здесь одно и то же слово: «пала», «пал»—в первом случае обозначает: «околела», во втором: «сдалась», в третьем: «понижился в цене». Во всех этих случаях слово «пал», «пала», употреблено не в собственном значении, происходящем от «упасть», а в переносном. При этом порою и переносные значения имеют свои оттенки: «лошадь пала»—«умерла»; «пала за свободу»—«умерла»;—но в первом случае у слова «пала» есть оттенок брезгливости, презрительности, а во втором—оттенок торжественности. И если мы скажем: «монархия пала как кляча», то презрительный оттенок слова «пала», зависящий от соединенного с ним слова «кляча», перенесется на «монархию», переставшую существовать.

Также следует вообще различать слова «обиходные», «торжественные», «грубые», «нежные», «казенные», «домашние» и т. п.,—имеющие особую окраску, в зависимости от того, в какой области жизни эти слова применяются. Положим, что в рассказе жена письмом просит мужа зайти к знакомому, живущему там-то, и муж ей отвечает таким письмом: «Спешу уведомить, что согласно твоему письму от такого-то числа, я посетил Ивана Ивановича Петрова, проживающего по Московской улице в доме номер пятый»... Здесь почти все сочетания слов—«казенные»: «спешу уведомить», «согласно письму», «от такого-то числа», «проживающего»,—такими словами и оборотами пишутся официаль-

ные отношения, а не письма супругов. Поэтому, писателю необходимо хорошо чувствовать слово со стороны его бытовой употребительности.

Но вот, если автор выводит в рассказе какого-нибудь закоренелого чиновника, насквозь пропитавшегося канцелярией,—он может заставить его написать жене письмо именно «казенными» словами, как в приведенном примере. Тогда выбор слов и оборотов поможет обрисовке данного действующего лица.

Русские и иностранные слова

Словарный состав каждого языка не вполне чист: вместе со словами национальными в нем имеются слова, заимствованные из чужих языков. Такие заимствованные слова называются варваризмами. В русском языке также много варваризмов: большинство слов, относящихся к технике, к производству, как, например, фабрика, мастер, дизель, аккумулятор—иностранного происхождения; также слова, имеющие отношение к политике: политика, комитет, партия, комиссия, центральный и многие другие. Многие варваризмы вполне обрусели. Например, фабрика, мастер,—полностью русские слова, столь давно они существуют в языке и стали столь привычными. Слово ярмарка, например, немецкое, происходит от *яр*—год и *маркт*—рынок, и значит «годовой рынок»; слово *капут*—татарское, слово «поп»—испорченное греческое. Но очень большое число варваризмов сохранило отпечаток своего иностранного происхождения.

И писателю необходимо отличать варваризмы от национальных слов и, во-первых, стремиться к тому, чтобы отчетливых, не обрусевших варваризмов было в речи как можно меньше, чтобы они применялись только тогда, когда невозможно найти соответствующее русское слово. Между тем, очень многие из начинающих журналистов стремятся к тому, чтобы наворотить как можно больше иностранных «умных» слов, и тем создают малопонятную читателю и неприятную для русского уха речь. Этого надо решительно избегать. Но не следует думать, что необходимо, вместо иностранного слова, при отсутствии соответствующего русского, это русское слово изобретать, переводить с иностранного на русский, часто создавая уродливое и смешное слово. Например, один старинный писатель, Шишков, стремясь совершенно изгнать варваризмы, предлагал вместо «калоши» говорить «мокроступы», вместо «бильярдный кий» говорить «шаропих». Это уже крайность. Правило такое: если есть русское слово, незачем употреблять иностранное. Если точного русского слова нет,—употребим иностранное.

Общие и областные слова

Русский язык не представляет собою чего-то вполне стройного и единого: в русском языке существует немало говоров, отличающихся как произношением, так и словарем. Самарец говорит иначе, чем туляк, и жители Сибири пользуются иным говором, чем москвичи. И вот, из огромного количества слов, имеющих во всех говорах русского языка, многие слова употребляются только в одной какой-нибудь части нашей страны, а в других частях употребляются другие слова в том же значении. Например, русское слово «поляна» в Сибири неизвестно, вместо него там существует слово «елань», а этого слова не поймут под Москвой. В средней России говорят «жулики», «бродяга», а в южной России в ходу соответственное слово «ракло», хотя и те слова известны. И слова, имеющие повсеместное употребление, понятные во всех концах страны, называются общими, а те которые употребляются только в какой-нибудь губернии, а в других неизвестны,—называются областными или провинциализмами.

Русский литературный язык сложился из московского говора, и в общем стремится к тому, чтобы состоять, главным образом, из общих слов, избегая областных, избегая провинциализмов. Всякий раз, когда писателю приходится выбирать между областным словом, употребляемым, скажем, в той местности, откуда писатель родом, и словом общим,—следует употреблять именно общее слово, чтобы быть понятным как можно большему числу читателей. Следует избегать и областных словосочетаний. В Московской губернии, например, говорится «скучать о ком-нибудь», а в южной России употребляется другой оборот: «скучать за кем-нибудь». В литературной речи необходимо употребить именно московский оборот. Научиться московскому наречию, живя где-нибудь в Сибири, можно путем широкого чтения, так и литература, как мы уже говорили, выросла на московском наречии.

Но иногда, как раз в художественной литературе, писатель нарочно применяет областные слова и обороты. Это делается с целью усилить выразительность речи. Например, в рассказе действуют интеллигент и крестьянин; их говоры отличаются один от другого: интеллигент употребляет литературный книжный язык, а крестьянин выражается проще, и в его речи будут «неправильные», т.е. нелитературные обороты. Писатель и заставит одного говорить так, а другого—иначе. Но следует иметь в виду, что и здесь не надо ударяться в излишнюю крайность. Например, у нас есть фраза (фразой называется осмысленное сочетание слов): «Сережа, овцы побежали в картофель». В крестьянской речи, в некоторых местах, вместо «Сережа» говорится «Серега», вместо «овцы»—«овцы», вместо «побежали»—«побегли», вместо «картофель»—«картоха»; но так говорится в разных мест-

ностях. А если писатель заставит своего крестьянина в рассказе выразиться: «Серега, вовцы в картохи побегли»,—то мы получим неверную, фальшивую фразу. Следует соблюдать меру, областными словами и оборотами не следует напичкивать все то, что говорят в рассказе крестьяне, рабочие, сибиряки, уральцы, рязанцы; областными словами опытный писатель только слегка сдабривает свой рассказ,—как мы в пищу кладем только маленькую щепотку соли. Читая произведения Гоголя, Толстого, Островского, Горького, начинающему писателю полезно всмотреться в то, как говорят у них действующие лица рассказов, и чем эта речь отличается по словарю и оборотам от речи самого автора.

Старинные и новые слова

Язык живет и непрерывно изменяется с течением времени; эти изменения происходят очень медленно, но, если посмотреть на речь наших предков, живших лет сто назад, то уже можно подметить большие различия. Эти различия в том, что одни слова постепенно выходят из употребления и заменяются другими, что изменяются сами обороты речи. Встарину, вместо слова «стулка», употреблялось слово «иготь», вместо слова «бархат»—слово «изарбат», вместо «театральный зритель»—«театральный смотритель»,—а теперь зрителем мы называем человека, наблюдающего за порядком, за целостью имущества, вместо слова «свидетель», употреблялось слово «видок» и т. д. Теперь мы говорим: «я немного подождал», а встарину говорилось: «я подождал мало»; мы говорим: «хлеб, выросший на полях», а встарину говорилось: «злак, на нивах произросший». Такие старинные слова и обороты называются архаизмами. Вообще литературный язык избегает архаизмов, но в художественной речи они иногда применяются нарочно,—так же, как и провинциализмы,—для большой выразительности. Архаизмы придают речи, сами по себе, большую торжественность: кроме того, описывая какое-нибудь старинное здание, или заставляя в рассказе говорить какого-нибудь очень старого человека, писатель охотно применяет архаизмы, потому, что они самой своей старинностью, ветхостью подойдут к описываемому.

Наоборот, в языке существуют слова, созданные только что, на нашей памяти. Такие слова, как «обмотки», «окопники», «шкурник», «нэлман»—появились в языке за последние десять лет. Такого рода слова называются неологизмами. Особняком стоят неологизмы, образованные путем сокращения и слияния слов. Вместо «специалист» мы говорим «спец», вместо «автомобиль»—«авто», вместо «Совет Народных Комиссаров» мы говорим «Совнарком», соединения в одно слово первые слоги этих трех слов, вместо «Высшее Учебное Заведение», мы говорим «вуз», соединяя в слово первые буквы этих слов. Такие неологизмы не являются словами в полном смысле, это значки, условные обозначения,

Для журнальной речи они вполне подходят, но в художественной речи их следует избегать, пользуясь только наиболее устоявшимися и известными.

Сочетание слов

Мы говорим связными словами, находящимися между собой в правильных сочетаниях. Если мы скажем: «мне на утро хочется не базар идти», то в этой путанице ничего понять нельзя; но эти же слова, поставленные связно, выражают определенную мысль: «мне не хочется утром идти на базар». В нашей речи, мы, конечно, умеем связать слова и указанной путаницы у нас не получится; но одно дело связность, а другое — выразительность, изящество фразы, художественность. Возьмем фразу: «Иван завтра утром пойдет на рынок». В этой фразе может быть пять различных смыслов: во-первых, мы можем желать выразить, что именно Иван, а не Петр, пойдет на рынок; во-вторых, что именно завтра, а не сегодня Иван пойдет; в-третьих, что Иван пойдет именно утром, а не вечером; в-четвертых, что он именно пойдет, а не поедет; в-пятых, что именно на рынок, а не в магазин. Когда мы произносим данную фразу, то мы голосом выделяем нужное в данном именно смысле слово; но в письменной речи голосом ничего не выразишь, и, чтобы мысль была вполне ясна, необходимо уметь расставить слова. И вот, если мы хотим придать этой фразе первый смысл, мы напишем: «завтра утром на рынок пойдет Иван». Если желательно придать второй смысл, то фраза сложится так: «Иван пойдет на рынок утром завтра». Если нужен третий смысл, фразу надо построить так: «Иван завтра пойдет на рынок утром». Если нужен четвертый смысл, то построение будет таким: «Иван завтра утром на рынок пойдет». Наконец, пятый смысл будет выражен так: «Иван пойдет завтра утром на рынок». Мы видим, что во всех этих случаях самое важное по смыслу слово выносилось на конец фразы. Это, конечно, не единственный способ. Выделение главного слова достигается очень многими приемами; перечислять их весьма затруднительно. Начинающий писатель должен всматриваться в построение фразы у писателей опытных. Кроме этого, необходимо заботиться о чистоте фразы, о том, чтобы в ней не было нагромождено много одинаковых слов. Например: «она увидела его и его мать, и ей показалось, что она подумала, что она не хочет ей поклониться». Тут ничего не поймешь, потому что слишком много одинаковых слов, которые могут относиться и к одному и к другому лицу. Эту фразу следовало бы построить так: «она увидела его в сопровождении матери; ей показалось, что та подумала, будто ей не желают поклониться». И эта фраза недостаточно чиста. Окончательно ее исправить можно, лишь заменив одно из местоимений именем собственным: «Анна Ивановна увидела его в сопровождении матери; Анне Ивановне показалось, будто та подумала, что ей не желают